

Мазырин А., свящ.

**«Подвиг св. Сергия Радонежского
и дело митрополита Сергия»:
к вопросу об оправданности сопоставления**

Подвиг преподобного Сергия, в силу его непреходящего значения для Русской Церкви, привлекал и будет привлекать внимание церковных авторов, в том числе и в полемических целях. В острых ситуациях ход мысли церковных полемистов мог приобретать порой достаточно неожиданное направление. Период 1920–1930-х гг., пожалуй, был временем наиболее напряженных дискуссий в Русской Церкви. Спровоцированы они были вызовом, брошенным церковному сознанию со стороны богоборческой власти. Церковь в России должна была на практике решить вопрос о своем отношении к государству, которое осуществляло неприкрытое гонение на нее.

Кардинально решить этот вопрос летом 1927 г. попытался Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский), который (если верить «Известиям ЦИК») заявил: «Теперь мы переходим на реальную, деловую почву и говорим, что ни один служитель церкви в своей церковно-пастырской деятельности не должен делать шагов, подрывающих авторитет советской власти. Всякий такой шаг будет подрывать и церковь»¹. В печально известной декларации митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. говорилось: «Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, сознается нами как удар, направленный в нас»². («Варшавское убийство» – убийство русским монархистом Б. С. Ковердой полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова – одного из организаторов расстрела Царской семьи в 1918 г. в Екатеринбурге.)

Просоветская политика митрополита Сергия была подвергнута в церковных кругах жесткой критике как в России, так и в русском зарубежье. В то же время, нашлись у Заместителя Местоблю-

¹ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1927. 19 августа.

² Там же.

стителю и апологету³. Среди русских парижан, пожалуй, самой страстной сторонницей митрополита Сергия была журналистка Мария Каллаш (1886–1955), более известная под псевдонимом «М. Курдюмов». Сам по себе такой трансгендерный псевдоним едва ли говорит в пользу полной адекватности автора, однако это не мешало таким популярным изданиям, как журнал «Путь» и газета «Последние новости», предоставлять ему (ей) возможность публиковаться на их страницах. Летом 1928 г. в «Пути» была опубликована довольно пространный статья, которая и послужила поводом для предлагаемых в настоящем докладе рассуждений⁴.

Автор довольно жестко характеризовал(а) отношение русской эмиграции к церковным делам в России. «С самого начала революции, эмиграция, устранившись от непосредственного участия в русской жизни и непосредственного делания в церковном строительстве, тем не менее, считала себя в праве требовать от высшей иерархии церковной там, в России, выполнения определенных политических заданий», – писала «Курдюмов»-Каллаш. «Но почивший Патриарх, к великому разочарованию эмиграции, не только не принял на себя возглавления контрреволюции, но как был с самого начала, так и остался до конца лишь духовным вождем верующего народа, Первосвятителем Русской Церкви, и в качестве такового отказал даже в тайном благословении своем братоубийственной гражданской войне».

Действительно, Патриарх Тихон последовательно отстаивал аполитичность Православной Церкви в России. Этой же линии придерживался и его преемник Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский), за что в декабре 1925 г. был арестован, поскольку большевикам нужна была Церковь не аполитичная, а в полной мере втянутая в политику, но на их стороне. Такая же участь и по той же самой причине постигла спустя год и его заместителя, митрополита Сергия, но если митрополит Петр на свободу более не вышел, то Заместитель Местоблюстителя провел в тюрьме менее четырех месяцев и вернулся к управлению Церковью (разумеется, на условиях, устроивших власть). «Преемники Святейшего Тихона, – характеризовала на свой лад ситуацию Мария Каллаш, – продолжали его дело и заботу об укреплении Церкви, о предоставлении Ей

---

³ Примеры полемических произведений того времени см.: Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост., авт. вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М., 2010.

⁴ *Курдюмов М.* Подвиг св. Сергия Радонежского и дело Митрополита Сергия // Путь. 1928. Июнь. № 11. С. 95–112. (<http://www.odinblago.ru/path/11/5/>)

возможности широко совершать христианское служение в стране, правительство которой поставило своей прямой задачей борьбу с религией и стремилось всеми силами истребить Имя Божие из памяти и из сердца всего народа».

Можно вполне согласиться с оценкой автора большевистской политики в отношении Церкви: «Не отваживаясь убивать, морить в тюрьмах и в ссылке открыто *за веру*, советская власть прикрывала свои преследования Церкви политическими обвинениями. Слова “контрреволюция” и “белогвардейщина”, были главным ее козырем в войне против высшей иерархии, рядового духовенства и всех приходско-церковных организаций. Такая тактика прикрывания была необходима для правительства СССР, ибо официально в советской конституции “свобода культов” утверждалась законом». Далее же «Курдюмовым» делался апологетический по отношению к митрополиту Сергию ход мысли, с которым согласиться, не закрывая глаза на реальные факты, уже никак нельзя. «Управляющий ныне Русскою Церковью Митрополит Сергей почел необходимым для блага церковного разрушить советское прикрытие. Заявлением полнейшей своей лояльности от лица Патриаршей Церкви перед властью Советов, заместитель Патриаршего Местоблюстителя отныне поставил вопрос так, что всякое гонение против Церкви должно быть формулировано прямо и открыто, как гонение на веру».

В действительности, политические обвинения против деятелей Русской Православной Церкви, в том числе и сторонников митрополита Сергия, после 1927 г. никуда не исчезли. В том же 1927 г. в Уголовный кодекс РСФСР была введена печально знаменитая 58-я статья, которая стала активно применяться и в отношении «церковников». Гонения на Церковь с 1927 г. усилились многократно, что хорошо видно из собранной в ПСТГУ статистики (если принять число арестов в 1926 г. за единицу, то в 1927 г. этот показатель равен 1,8, в 1928-м – 2,6, в 1929-м – 9, в 1930-м – 21,7, то есть в каждый следующий год он удваивался или даже утраивался)⁵. Антицерковные репрессии, таким образом, нарастали в геометрической прогрессии, причем власть, вопреки «Курдюмову», вовсе не думала это гонение «формулировать прямо и открыто, как гонение на веру». Более того, в феврале 1930 г. ею было инсценировано заявление от лица митрополита Сергия о том, что «гонения на религию в СССР никогда не было и нет», а «репрессии, осуществляемые совет-

---

⁵ Цифры приведены по состоянию базы данных на сентябрь 2014 г. Данные для расчета см.: http://pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans

ским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и к другим гражданам, за разные противоправительственные деяния»⁶. Сейчас уже установлено, что эти заявления были подготовлены, в соответствии с решением Политбюро, лично И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и Е. М. Ярославским⁷, но митрополит Сергей молчаливо принял их как свои, чем в немалой степени себя скомпрометировал.

Возникает, конечно, вопрос: а при чем здесь преподобный Сергей Радонежский, и почему «Курдюмов»-Каллаш решила проводить параллель между его подвигом и делом митрополита Сергея? Обращение к эпохе Преподобного для апологета Заместителя было отчасти вынужденным, как ответ обличителям, которые допускали противопоставление в том ключе, что «преподобный Сергей и Патриарх Гермоген в свое время призывали и благословляли народ на борьбу с врагами, а нынешние иерархи выражают свою покорность заклятым врагам России». В то же время, Каллаш фактически соглашалась со своими оппонентами, что уподоблять переживаемое время времени преподобного Сергея вполне можно и даже нужно. «Начался период советского ига, подобный периоду монгольскому», – писала она.

Психологически проведение параллели между двумя «игами» понятно, хотя, если отбросить эмоции, корректность такого уподобления не столь очевидна. Монголы по отношению к Руси были иноземными завоевателями. Большевики, при всей их враждебности русской традиции, в массе своей иноземцами не являлись: и Ленин (Ульянов), и Сталин (Джугашвили), и даже Троцкий (Бронштейн) были урожденными подданными Российской Империи. Монголы представляли в качестве грубой внешней силы, которой русским людям поневоле приходилось подчиняться. Говорить, что большевики действовали исключительно с помощью насилия, нельзя. Вопрос, почему значительная часть населения России увлеклась идеями большевизма, не входил в предмет рассмотрения автора статьи «Подвиг св. Сергея Радонежского и дело митрополита Сергея», не будет он рассматриваться и в предлагаемом докладе.

---

⁶ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1930. 16 февраля.

⁷ См.: Косик О. В. Интервью митрополита Сергея (Страгородского) 15 февраля 1930 г. в восприятии современников // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2003 г. М., 2003. С. 267; Курляндский И. А. Сталин и «интервью» митрополита Сергея советским корреспондентам в 1930 г. // Российская история. 2010. № 2. С. 157–169.

«Именно с периодом монгольского владычества, – продолжала свою мысль Мария Каллаш, – больше всего есть оснований сопоставлять теперешний плен России, а не с кратковременной сравнительно Смутой и засильем поляков в Москве, когда св. Гермоген Патриарх [...] поднимал народные силы на освобождение Москвы». Только «Курдюмов»-Каллаш, обращаясь к периоду монгольского ига, предпочитала делать акцент не на моменте благословения преподобным Сергием Дмитрия Донского на битву с татарами, а на предшествовавших этому полутора веках. «Совершенно забывают, – писала она, – что Куликовская битва происходила за одиннадцать лет до кончины преподобного Сергия, уже на закате его земной жизни, и до 1380 года ни сам Сергий, ни другие русские святые никого из князей против владычества Орды не ополчали».

Особое внимание Каллаш обращала на фигуру старшего современника Преподобного – митрополита Алексия: «Св. Алексий ясно видел, как раздирается Русь от усобиц и возвышением Москвы и подготовкой единодержавия хотел положить этому конец. Но мудрый святитель, которому суждено было послужить не только Церкви, но оказать и неопределимые услуги созданию будущего Московского государства, не подымал своего князя против Орды. Св. Алексий лишь неустанно подготовлял основы для будущей русской независимости. Деяние преп. Сергия, благословившего князя Димитрия Ивановича идти на Куликово поле, было, таким образом, как бы завершением трудов и забот великого святителя».

Обращаясь, после такого исторического экскурса к проблемам современности, «Курдюмов»-Каллаш полагала, что «Церковь, вместо политического заговора и бунта, попыталась в лице Митрополита Сергия и Патриаршего Синода вплотную подойти к вопросу о легализации и для этого выразила ту же готовность “поклониться хану”, которую в свое время изъявил и св. князь-исповедник Михаил Черниговский». Или более кратко: «В лице Митрополита Сергия Русская Церковь в данном случае, подобно древним нашим святителям, обратилась к власти неверных за получением необходимого “ярлыка”».

Что касается «ярлыка», полученного митрополитом Сергием от «советского хана», то текст его (справки из Административного отдела НКВД от 20 мая 1927 г.) хорошо известен: «Заявление и. д. “Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола”, митрополита Нижегородского Сергия, гр. Страгородского и список образовавшегося при нем Временного, т. н. “Патриаршего Священного Синода” [...] получены и приняты к сведению. Препятствий к деятельности этого органа впредь до утверждения его не встречается».

ся»⁸. Ничего более существенного, чем это разрешение фактически приступить к работе, которое в любой момент могло быть отозвано, митрополит Сергей тогда так и не получил⁹.

Можно сравнить эту справку с ярлыком хана Менгу-Темира, выданным первому из русских митрополитов монгольского периода святителю Кириллу Киевскому (со вставками-пояснениями Е. Е. Голубинского): «А кто (из наших всяких чиновников) веру их (русских) похулит или ругается, тот ничем не извинится и умрет злою смертию...; или что в законе их – иконы и книги или иное что, по чему Бога молят, того да не емлют, ни издерут, ни испортят [...]; а кто возьмет (от попов и от чернецов дань или иное что) – баскаци наши и княжие писцы и поплужницы и тамошницы, и он (тот) по велицей Язе (законодательному кодексу Чингис-ханову) не извинится и смертию да умрет»¹⁰. При этом выдачу ярлыков русским митрополитам монгольской ханы не обуславливали выполнением каких-то особых требований политического характера. Молитва Церкви за хана, как за верховного правителя, конечно же, подразумевалась, но она вполне соответствовала апостольской заповеди (1 Тим. 2, 1–2) и не противоречила требованиям христианской совести.

В случае же с большевиками ситуация обстояла иначе – выполнение их жестких политических требований было обязательным условием легализации Московской Патриархии. Митрополит Сергей условие принял. В своего рода обмен на справку-«ярлык» от НКВД он издал в июле 1927 г. указ на имя управлявшего русскими западноевропейскими приходами митрополита Евлогия (Георгиевского) с требованием к русскому зарубежному духовенству дать подписку о лояльности советскому правительству. Несогласные дать подписку подлежали увольнению от занимаемых должностей и исключению из ведения Московской Патриархии¹¹. В отношении же отечественных клириков, не достаточно лояльных советской власти, вопрос был поставлен более жестко. В выпущенном в апреле 1929 г. циркуляр-

---

⁸ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 498.

⁹ Подробнее см.: *Мазырин А., свящ.* Легализация Московской Патриархии в 1927 году: скрытые цели власти // Отечественная история. 2008. № 4. С. 114–124.

¹⁰ *Голубинский Е.* История Русской Церкви. Т. 2: Период второй, Московский, от нашествия Монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М., 1997. С. 33.

¹¹ См.: Указ Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященному Митрополиту Евлогию // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1927. № 3. С. 4–5.

ном указе митрополита Сергия содержалось требование: «К духовным лицам, не желающим или неспособным скоро усвоить себе правильное отношение к существующему государственному и общественному порядку, необходимо применять те или иные меры церковного воздействия»¹². На практике это оборачивалось наложением церковных прещений на клириков, неугодных ОГПУ, в соответствии с указаниями которого должна была действовать Московская Патриархия в центре, а епархиальные архиереи на местах. В 1926 г. начальник Секретного отдела ОГПУ Т. Д. Дерibas писал в записке начальнику 6-го («церковного») отделения этого отдела Е. А. Тучкову, что их задача – поставить «тихоновцев» на «оба колена», и сетовал, что это никак не удастся сделать¹³. В 1929 г. ситуация была уже кардинально иной и Тучков похвалялся: «Митрополит Сергей по-прежнему всецело находится под нашим влиянием и выполняет все наши указания. Им посылается запрос митрополиту Евлогию с требованием объяснений по поводу панихиды по расстрелянным (советской властью – *свящ. А. М.*). Сергей готов сместить его и заменить любым кандидатом по нашему указанию. Сергиевским синодом выпущен циркуляр епархиальным архиереям с возложением на них ответственности за политическую благонадежность служителей культа и с предписанием репрессирования по церковной линии за а[нти]с[оветскую] деятельность. Сам Сергей также приступил к этому репрессированию, увольняя виновных попов»¹⁴.

Возникшую в 1927 г. зависимость Патриархии от богоборческой власти в весьма чувствительных для Церкви вопросах, таких как кадровый, «Курдюмов»-Каллаш предпочитала не видеть. Куда приятнее было проводить пафосные сравнения со святыми времен ордынского ига: «Если велик преподобный Сергей в своем призыве к освобождению от Монголов, то можно ли умалить и тех пастырей и архипастырей, которые, не чая скорого освобождения, не менее мужественно призывали народ к несению тяжкого креста, которые поддерживали свет веры в поработенной язычниками пастве своей и, не щадя себя, с великими трудностями служили и учительствовали в разоренной стране. [...] В великом смирении перед испытанием Божиим наши святители Монгольского периода, ради спасения Церкви, кланялись “царям ордынским”. И не упрекал их за это народ. Святыми лампадами они озаряли тьму русского национального позора и неисчислимых страданий народных. Такой лампадой сиял и преподобный Сергей, главной заслугой которого перед родиной было не столько самое напутствие

¹² Архив Санкт-Петербургской митрополии. Ф. 3. Оп. 3 а. Д. 90. Л. 2.

¹³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 615.

¹⁴ Цит. по: Сафонов Д. В. «Завещательное послание» Патриарха Тихона и «Декларация» Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия // <http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhon-zaveschanie3.htm>

московского князя на Куликовскую битву, сколько *духовное собрание Руси*. *Духовному собранию* русского народа служил св. Алексей Митрополит и его наиболее выдающиеся предшественники. В нашу трагическую эпоху ломки и разрушения старой России, этому же величайшему делу отдал всё, силы свои почивший Патриарх Тихон и его помощники; ныне служит этому Митрополит Сергей в качестве временно управляющего Всероссийской Церковью иерарха».

В том, что при преподобном Сергии и святителе Алексии происходило *духовное собрание Руси*, действительно, едва ли кто-нибудь усомнится. По всей стране во множестве основывались иноческие обители и наполнялись подвижниками, строились храмы, рос авторитет священноначалия, укреплялись основы православной государственности, общественным идеалом становилась святость. При митрополите Сергии процессы шли диаметрально противоположные. Разве что число подвижников – мучеников и исповедников – росло, но Московская Патриархия должна была официально от них отрекаться как от «контрреволюционеров» и «антисоветчиков». Авторитет священноначалия от приписываемой ему вопиющей лжи («гонения на религию в СССР никогда не было и нет») падал как никогда, но апологеты Заместителя Местоблюстителя закрывали на это глаза.

Один из представителей российской оппозиции митрополиту Сергию киевлянин Г. А. Косткевич писал в 1930 г. в Варшаву своему знакомому, достаточно видному деятелю русской эмиграции, сотруднику парижских «Последних новостей», А. П. Вельмину о глубоком непонимании на Западе положения церковных дел в России: «Возьмите статьи Курдюмова, Демидова – они просто называют М[итрополита] Сергия святым – возводят его на такой пьедестал, о котором даже не думают наши отечественные поклонники и соратники М[итрополита] Сергия. В России все церк[овное] общество, и то, что с М[итрополитом] Сергием, и то, что против него, согласно в том, что акты М[итрополита] Сергия – как то: декларация и интервью – акты позорные, тяжелые, которые никому и в голову не придет защищать как таковые. Эмиграция же доходит до того, что видит в этих актах какой-то особый смысл и чрезвычайную ценность (Курдюмов). Осторожность в оценке русской жизни, боязнь стать судьей тех, кто суда не заслуживает, боязнь своими выступлениями усугубить страдания Русской Церкви – все это понятно и ценно, но это отнюдь не значит, что надо брать на себя подряд оправдания всех тех ошибок, которые делаются в России отдельными иерархами, хотя бы и очень почтенными»¹⁵.

---

¹⁵ Косик О. В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов). М., 2011. С. 257.

Трудно не согласиться с этой оценкой Косткевичем идей «Курдюмова»-Каллаш. Увы, проводить параллели между подвигом преподобного Сергия и делом тезоименитого ему митрополита, «хотя бы и очень почтенного», мало оснований.

Источники и литература:

1. Архив Санкт-Петербургской митрополии. Ф. 3. Оп. 3 а. Д. 90.
2. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307.
3. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994.
4. Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост., авт. вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М., 2010.
5. *Голубинский Е.* История Русской Церкви. Т. 2: Период второй, Московский, от нашествия Монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М., 1997.
6. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1927. 19 августа.
7. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1930. 16 февраля.
8. *Косик О. В.* Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов). М., 2011.
9. *Косик О. В.* Интервью митрополита Сергия (Страгородского) 15 февраля 1930 г. в восприятии современников // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2003 г. М., 2003.
10. *Курдюмов М.* Подвиг св. Сергия Радонежского и дело Митрополита Сергия // Путь. 1928. Июнь. № 11. С. 95–112. (<http://www.odinblago.ru/path/11/5/>)
11. *Курляндский И. А.* Сталин и «интервью» митрополита Сергия советским корреспондентам в 1930 г. // Российская история. 2010. № 2. С. 157–169.
12. *Мазырин А., свящ.* Легализация Московской Патриархии в 1927 году: скрытые цели власти // Отечественная история. 2008. № 4. С. 114–124.
13. *Сафонов Д. В.* «Завещательное послание» Патриарха Тихона и «Декларация» Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия // <http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhonzaveschaniez.htm>
14. Указ Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященному Митрополиту Евлогию // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1927. № 3. С. 4–5.
15. http://pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans